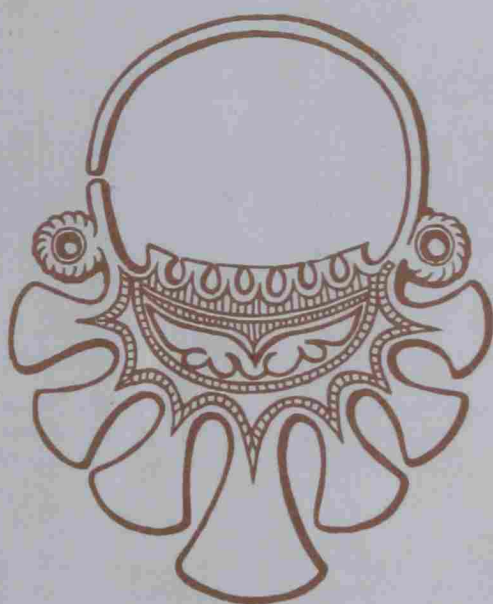

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1993

1

— 2^е изд. —

СОГДИЙСКАЯ КУРИЛЬНИЦА КОНЦА VII — НАЧАЛА VIII В. С ГОРОДИЩА КОШОЙ-КОРГОН

Окруженная горами долина р. Атбаша расположена в Центральном Тянь-Шане на высоте более 2000 м над уровнем моря. Относительно суровый климат мало способствовал земледелию. Зато вся долина, отличное пастбище, с древнейших времен была местом обитания кочевников. В центральной ее части, на западе от райцентра Ат-Баша, возвышается городище Кошой-Коргон.

В 1894 г. В. В. Бартольд [1, с. 58, 59] отождествил его с городом Атбаш, упомянутым в середине IX в. Ибн Хордадбеком. Отождествление В. В. Бартольда подтвердил А. Н. Бернштам. По его мнению, «город обязан своим возникновением согдийским мастерам VIII—IX вв. Это город-крепость, ставка тюркских ханов, где стояли шатры... но не центр ремесленного производства и торговли... В XIV в. Атбаш был дополнительно укреплен, быть может, самим Тимуром» [2, с. 100]. Последнее упоминание об Атбаше относится к XVI в. [1, с. 58].

С 1980 г. Кошой-Коргон исследуется Нарынской археолого-этнографической экспедицией. Работы позволили уточнить датировку возникновения Атбаша: VIII, возможно, конец VII в. [3, с. 20, 21].

Атбаш возник как «ордо» — укрепленная ставка правителя кочевников Атбашинской долины. В плане это почти квадрат (250×245 м), ориентированный так, что стена, которую А. Н. Бернштам условно называл восточной, шла с отклонением ~30° к западу от линии С — Ю. Единственный вход находился в южной стене. Его защищало Г-образное ответвление крепостной стены с башней напротив ворот, создававшее узкий, хорошо простреливаемый коридор на подступах к воротам. Стены крепости усилены высокими фланкирующими башнями. Перед стенами ров. Количество башен установить затруднительно ввиду их плохой сохранности и последующих перестроек. Похоже, что, не считая угловых, на северной и южной стенах было по пять, на западной и восточной по семь башен. Позже, в результате ремонтных и восстановительных работ, в плане крепости произошли изменения [3, с. 5—27].

Внутри площадь «ордо» была почти не застроена. Здесь стояли юрты воинов-дружинников. Сюда при нападении врагов прятались женщины, дети и загонялся скот, основное богатство кочевника. Единственным крупным зданием был дворец правителя Атбашинской долины, раскинувшийся возле юго-западного угла крепости на площади ~900 м². Он состоял из двух примерно равных по площади изолированных частей — парадной и жилой. Первая включала «тронный», или «южный» зал (площадью в 101 м²), северный зал (~91 м²) и большой айван (~187 м²). Айван имел две стены и был открыт на север и восток. Перекрытия держались на деревянных столбах или колоннах. С запада к парадной примыкала жилая часть дворца: два ряда небольших помещений площадью от 35,7 до 12,2 м² [4, с. 56—62]. Тронный зал пристроен вплотную к крепостной стене. Его западная стена вместе с западной стеной «северного» зала и айвана служила границей между жилой и парадной частью дворца. Толщина стен зала в пределах 0,9—1 м. В северной стене проход шириной 2,25 м, соединявший тронный и «северный» залы. Стены сложены из серовато-желтой пахсы высокого

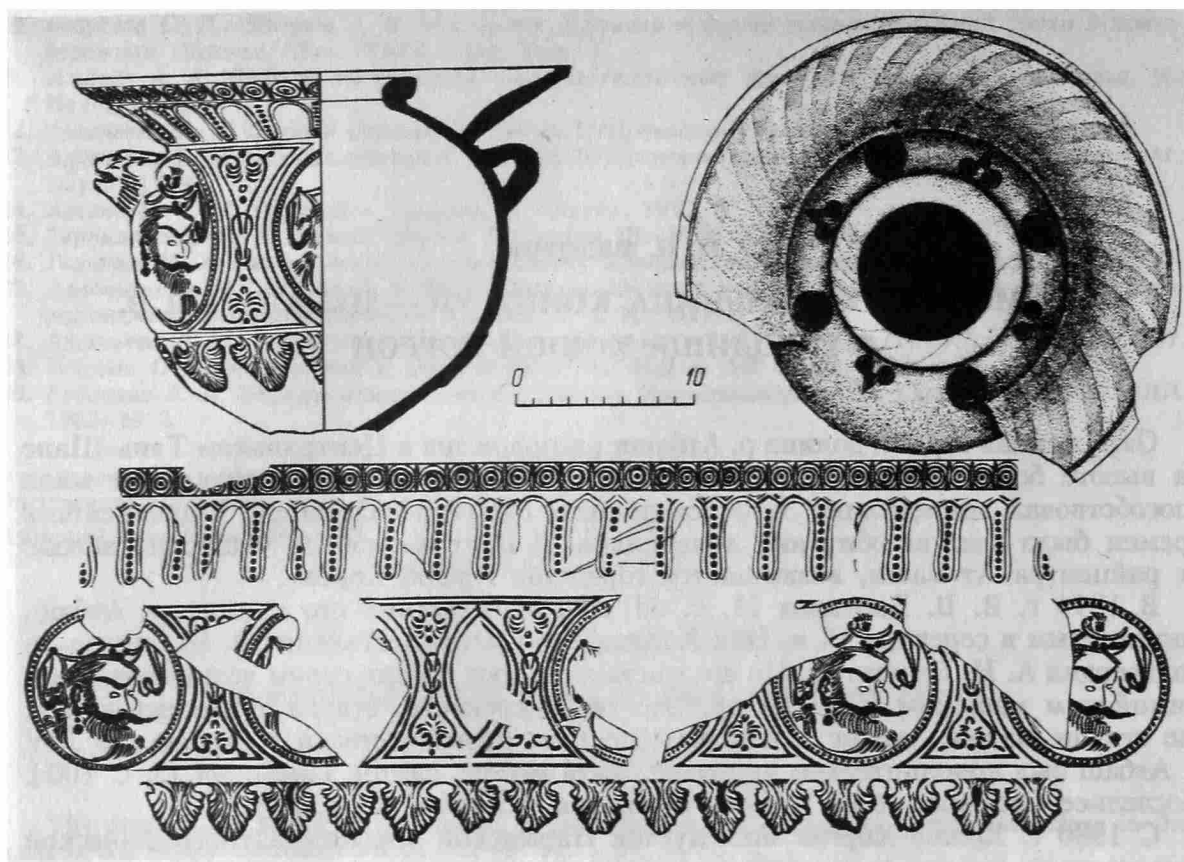

Рис. 1. Согдийская курильница. Разрез. Вид сверху. Развертка декоративных поясов

качества — твердой, плотной, с заглаженной поверхностью. Пол глинобитный. Следов суфы не обнаружено. Нет никакого архитектурного декора: росписей, резной или лепной штукатурки, нет даже простой штукатурки. Видимо, основным украшением зала, как и юрты богатого кочевника, были ковры, цветные кошмы, меха диких животных. В середине крыши, возможно, был световой люк, закрывавшийся на зиму деревянным щитом или циновками.

При раскопках дворца была сделана находка, послужившая предметом данной статьи (рис. 1—3).

Керамическая согдийская курильница обнаружена на полу в северо-восточном углу «тронного», или «южного», зала в сильно фрагментированном состоянии. Несколько десятков обломков было разбросано на площади более 4 м².¹

Сохранившаяся высота курильницы 19,8 см, наибольшая ширина тулова 21,6 см. Тулово курильницы имеет округлую форму, приближаясь к сплюснутому по вертикали шару. Оно расширяется в средней части и плавно сужается к донцу и венчику, причем к донцу больше, чем к венчику. Донце у курильницы отбито. След от скола выглядит как почти правильный круг диаметром 7 см. Это наводит на мысль о том, что между донцем и туловом курильницы была цилиндрическая ножка диаметром 7 см. Донце должно было быть большого диаметра и массивным, в противном случае курильница опрокидывалась бы. Не исключено, впрочем, что донце у курильницы было конусовидным. И тогда существовала специальная подставка. В пользу этого может говорить то, что нижняя часть тулова курильницы (примерно 1/3) не имеет декора. В подставке декор не виден.

Курильница имела два венчика — внутренний и внешний. Диаметр внутреннего 11 см. Он представляет собой отогнутый наружу валик подпрямоугольного сечения. Его высота 1,1, ширина 1,8 см.

¹ Пользуюсь случаем выразить благодарность Е. Барановой за помощь в реставрации сосуда и М. Ким за выполнение графических работ.

Рис. 2. Курильница. Общий вид с медальоном 1

Отступя на 3,2 см от внутреннего, на курильницу был насажен отдельно изготовленный внешний венчик в виде невысокого (5 см) усеченного конуса, расширяющегося кверху. Диаметр внешнего венчика 28,2 см. Край его на 0,35 см выше края внутреннего венчика. Внешний венчик сохранился не полностью. На месте скола хорошо видно, что он был приклеен к тулову уже изготовленного сосуда. На том месте, где внешний венчик приклеивался (видимо, жидкой глиной) к тулову, прослежен ряд наклонных насечек шириной и глубиной ~ 0,1 см. Расстояние между ними от 1 до 1,1 см. Они были сделаны для лучшего сцепления внешнего венчика и тулова курильницы при склеивании. Толщина внешнего венчика от 1,1 до 0,6 см (у края венчика). На расстоянии 0,6 см от края венчика на его внутренней поверхности прочерчен круг диаметром 27 см (ширина линии до 0,3 см, глубина до 0,15 см). Часть венчика до этой выемки отогнута наружу и идет почти горизонтально, остальная часть опускается покато к плечикам курильницы. На плечиках сосуда в пространстве между внутренним и внешним венчиком расположен ряд чередующихся отверстий, образующих как бы декоративный пояс. Чередуются отверстия двух очертаний: круглые диаметром 2,15 см и более сложной ножницеобразной формы — равнобедренный угол, поставленный на два несоприкасающихся кружочка. Диаметр кружочков 0,95 см, расстояние между ними от 4 до 3 мм. Как большие, так и малые кружки сделаны специальными трубочками, остальные детали вырезаны от руки, поэтому расстояние между концами равнобедренного угла варьирует от 0,85 до 1 см. Отверстия проделаны для того, чтобы через них выходил дым сжигаемых в курильнице благовоний. Курильница, видимо, имела крышку.

Под внешним венчиком симметрично расположены две ручки в виде головы разъяренного льва с оскаленной пастью (рис. 3, 4). Они сформованы в специальном калыбе. Ручки выступают от тулова на 3,8 см, их высота до 3,5 см. Внутри они полые. Толщина черепка от 1,2 до 0,8 см. В углу львиной пасти сквозное отверстие диаметром 4 мм. В него мог быть продет шнур (или кольцо, за которое привязывали шнур) для подвешивания курильницы. Украшение сосудов ручками в виде львиных голов распространено в римском искусстве. Такие предметы римского экспорта попадали в Среднюю Азию. Например, стеклянная чаша римской работы с двумя ручками в виде львиных голов найдена в Киргизии

Рис. 3. Курильница. Общий вид с медальоном 2 и ручкой

[5, с. 175, 176]. Эффектный прием украшения сосудов ручками в виде львиной головы мог быть заимствован среднеазиатскими гончарами с привозных римских сосудов.

Курильница сделана из хорошо отмученной и промешанной глины без примесей. Черепок плотный и относительно тонкий, стенки тулова (0,6—0,65 см) утолщаются к донцу (0,9 см). Обжиг не совсем равномерный — там, где черепок толще, внутри он сероватый, а по краям темно-розовый; где тоньше, неравномерность обжига меньше заметна.

Снаружи курильница покрыта белым с розоватым оттенком ангобом, но неравномерно: нижняя часть полностью, средняя примерно на $\frac{3}{5}$, внешний венчик наполовину, так что на нем четко прослеживается граница между розовато-белым и темно-розовым цветом. Внутренний венчик и плечики курильницы между внутренним и внешним венчиком оказались не покрытыми ангобом. Создается впечатление, что курильницу обмакнули в ангоб, придерживая за внешний венчик, положив набок, причем глубина сосуда с ангобом была недостаточной и часть курильницы осталась без покрытия.

На внутренней стороне внешнего венчика по темно-розовому фону черепка сделаны ангобом косые, наклоняющиеся слева направо мазки шириной 0,85—0,9 см. Расстояние между полосками ангоба неодинаковое — от 1,6 до 0,95 см. Такие же полоски нанесены на внешней поверхности внутреннего венчика. Толщина их до 0,6 см, расстояние между ними от 0,2 до 0,5 см.

Снаружи внешний венчик и средняя часть тулова курильницы украшены великолепным штампованным орнаментом. Техника нанесения орнамента состояла в том, что тонко раскатанные листы глины (толщиной от 0,4 до 0,2 см) помещались в специальные калыбы, где на них оттискивалось изображение или же (в одном случае) на глиняной ленте одним штампом оттискивался ряд одинаковых узоров. Затем эти листы или ленты с орнаментом приклеивались к курильнице жидкой глиной. На поверхности курильницы были специальные насечки (шириной и глубиной 0,1 см) для лучшего сцепления декоративного слоя с сосудом.

Высказывалось мнение, что курильница была сформована в калыбе-матрице, что орнамент был нанесен на этот калыб и оттиснут на сосуде весь сразу. Это

Рис. 4. Ручка в виде львиной головы (увеличено)

утверждение не имеет ничего общего с действительностью. Во-первых (и это самый главный контраргумент), сосуд изготовлен на гончарном круте. На его внутренней поверхности четко видны следы вращения. Во-вторых, на внешнем венчике часть декоративного слоя откололась, и ясно видно, что он был приклеен, о чем свидетельствуют косые насечки на венчике, процарапанные для лучшего сцепления декоративного слоя с поверхностью венчика. В-третьих, все медальоны с изображением персонажа в короне оттиснуты в одном и том же калыбе. Об этом говорит повторяющийся во всех медальонах дефект: под правым глазом персонажа параллельно его нижнему веку от скулы к переносице идет полоса — это оттиск трещины в калыбе. К тому же в некоторых местах в изломе черепка, а также и на поверхности сосуда можно проследить следы того, что медальоны приклеивались к тулову. В-четвертых, как это будет видно из приводимого ниже описания декора, штампы и калыбы были изготовлены для сосуда другого диаметра.

Первые два декоративных пояса расположены на наружной части внешнего венчика. Сразу под краем венчика идет узкая лента шириной от 1,2 до 1,75 см. Видимо, она вырезана «на глазок» и ширина ее неодинакова. По ленте штампом выдавлен узор в виде повторяющихся трех concentрических кружков с точкой посередине. Диаметр кружков 1,35; 0,9 и 0,5 см. Они разделены вертикальными насечками, нанесенными от руки. Поэтому расстояние между насечками варьирует от 2 до 1,6 см. В одном месте кружки нанесены так, что частично заходят один на другой и насечки между ними нет. Видимо, орнамент рассчитан на сосуд большего или меньшего диаметра. Первый и второй декоративные пояса разделены бороздой шириной от 0,5 до 0,15 см.

Второй декоративный пояс состоит из слегка сужающихся книзу арок. Их высота 4,9 см, ширина в основании от 1,4 до 2 см. Опоры между арочками

имеют ширину 1,1 см. В верхней части они завершены перевернутым вверх острием прямого угла, нижнее завершение опор овальное. Опоры украшены «перлами» диаметром от 0,5 до 0,35 см. Число «перлов» на опорах арочек неодинаковое — девять или восемь.

Видимо, штамп для этого декоративного пояса состоял из двух с половиной арочек и трех опор. Первые две опоры имели по девять, третья — восемь перлов. Этот штамп также был рассчитан на сосуд другого диаметра, поэтому получались «сбои» и орнамент местами подправлялся от руки. Причем «сбои» шли после опоры с восемью перлами.

На сохранившейся части внешнего венчика последовательность нанесения орнамента следующая (описание слева направо): 1. Две опоры по девять и одна по восемь перлов. После нее полторы арки, причем целая или деформирована, или сделана от руки. Ширина «накладки» 3,1 см. 2. Две опоры по девять и одна по восемь перлов. Ширина «накладки» 2,2 см. 3. Тот же порядок. Часть узора откололась. В месте скола видны насечки, наносившиеся на венчик для лучшего скрепления с ним декоративного слоя. Ширина «накладки» 2,75 см. Примерно полторы арки. 4. Тот же порядок. Ширина «накладки» 2,1 см. 5. После четвертой накладки опора с девятью перлами и сразу после нее накладка: на арку наклеена нижняя часть опоры, от которой сохранилось четыре перла. 6. Эта опора относится к шестому фрагменту орнамента. За ней идет арка, потом опора с девятью перлами, арка и опора с восемью перлами. За ней «накладка» шириной 1,45 см: арка, частично заклеенная следующим фрагментом орнамента. 7. Нижняя часть опоры с пятью перлами, арка, опора с девятью перлами, часть арки и нижняя часть опоры с 2,5 перлами.

Третий декоративный пояс занимает среднюю часть тулова курильницы. Он состоит из чередующихся повторений оттиснутых в двух разных калыбах орнаментов. Один из них — медальон диаметром 9 см. В ободке из двух концентрических кругов, между которыми помещен круг из «перлов», оттиснуто изображение персонажа в короне с гривной на шее и с серьгой в ухе. Ширина обода медальона 0,6 см, диаметр «перлов» 0,2 см. Число «перлов» определить невозможно, так как ни один медальон полностью не сохранился. Всего в третьем орнаментальном поясе пять медальонов. Три из них покрыты розовато-белым ангобом, два без покрытия.

Между медальонами штампованный орнамент, напоминающий по форме двояковогнутую линзу в разрезе. Его высота 9 см. Ширина у вершины и основания 7 см, а в середине 2,4 см. По краям орнамента ободок из двух линий. Толщина ободка 0,6 см, расстояние между линиями 0,2 см. В ободок вписан узор из двух симметрично расположенных вершинами друг к другу фигур, приближающихся по форме к тем, что помещают на картах червонной масти. Удлиненные вершины фигур переплетаются, образуя узор, близкий по форме к цифре 8. Внутри фигуры имеют заполнение в виде растительных побегов и точек. Таких сюжетов шесть.

Медальоны и промежуточные орнаменты рассчитаны на сосуд другого диаметра. Между пятым и шестым промежуточным орнаментом шестой медальон не уместился. На его месте оказалось пространство в виде двояковыпуклой линзы в разрезе. Высота ее 5,7, ширина 2,9 см.

Четвертый декоративный пояс (рис. 5) образован из оттиснутых в калыбе стилизованных изображений листьев (плюща?). Калыбы двух типов: в первом сразу три листа, во втором только один, который отличался тем, что в середине него был валик, а также пропорциями: ширина 2,8, высота 3,6 см. В штампе, где сразу три листа, средний немного шире (3,6 см), чем крайние (3,1 см), а высота у всех одинаковая (3,3 см). Эти штампы также рассчитаны на сосуд другого размера. На сосуде уместилось четыре узора из трех листьев и только три узора из одного листа. Орнамент размещен так: один лист — три листа; один лист — три листа; один лист — три листа — три листа. Для четвертого одиночного листа в промежутке между узорами из трех листьев места не осталось.

Особый интерес в декоре курильницы представляет медальон с высокохудожественным барельефным изображением персонажа в короне (рис. 6). Это муж-

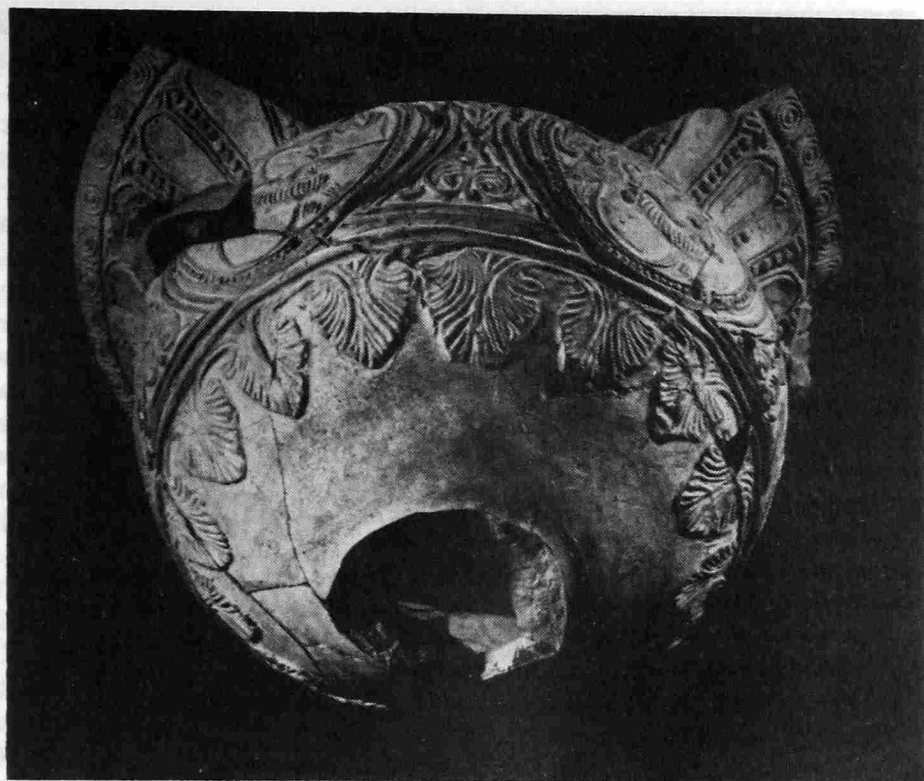

Рис. 5. Курильница. Вид снизу с четвертым декоративным поясом

чина зрелого возраста. Лицо продолговатое, с высоким гладким лбом и слабовыраженной скуластостью. Густые, сросшиеся на переносице брови поднимаются вразлет высоко к вискам. Глаза среднего размера, близко и глубоко посаженные, слегка раскосые. Хотя лицо повернуто на три четверти влево, глаза обращены направо, в упор на смотрящего. Создается впечатление, что человек, служивший моделью, с интересом наблюдал за художником, изготавливавшим штамп. Тонкий, с легкой горбинкой нос придает лицу хищное выражение. Ноздри крупные, широко раздутые, усы густые, длинные, закрученные вверх. Правый ус достигает мочки правого уха. Верхняя губа скрыта усами. Нижняя губа маленькая, мясистая. Рот полуоткрытый, видны три передних зуба нижней челюсти. Такое положение рта весьма характерно для людей, у которых из-за какой-то болезни затруднено дыхание через нос. Эта деталь говорит о том, что изображение портретное и делалось с натуры.

Борода густая, коротко подстриженная, округлой формы. Пышные бакенбарды зачесаны в сторону уха. Ухо крупное, четко моделированное, с большой отвислой мочкой, в которую продета тяжелая серьга из кольцеобразной петли и двух шариков. Нижний шарик по диаметру почти в 2 раза больше верхнего. Волосы на голове длинные, сбигающие волнами на плечи.

Лицо повернуто в три четверти, плечи показаны анфас. На плечах одежда типа рубахи с глубоким вырезом и мелкими складками. Шея невысокая. На шее гривна. Персонаж увенчан сложным головным убором типа короны. Основу его составляет массивный обруч, изображенный двумя параллельными линиями, между которыми помещены мелкие перлы (видно 26 перлов). Над серединой лба в обруче крупный перл, диаметр которого в 5,5 раз больше диаметра мелких перлов. Около $\frac{1}{3}$ этого перла возвышается над обручем. Над ним еще два примерно таких же, так что в целом перлы образуют фигуру треугольника. На этот треугольник водружен полумесяц рожками кверху. В середине полумесяца перл, на нем горизонтальный валик. Над ним завивающимися справа налево насечками изображены, видимо, язычки пламени. Примерно так изображались языки пламени над жертвенником на сасанидских монетах [6, с. 152].

Над обручем возвышаются зубцы своеобразной формы. Они как бы составлены из дуг (частей окружности), концы которых, направленные вверх, соединяются,

Рис. 6. Медальон 3

образуя вершину зубцов. Вершина каждого зубца украшена шариком. Позади зубцов верхняя часть причёски. Видны три зубца спереди и фрагмент четвертого в задней части короны. По бокам корона украшена двумя свободно свисающими, развевающимися лентами, привязанным каждая к двум соседним зубцам. Обычай украшать одежду и корону лентами бытовал в Сасанидском Иране. Так, по описанию византийца Иоанна Златоуста, сасанидский царь Шапур II выезжал впереди войска «в облаке лент» [7, с. 19]. Из Ирана этот обычай мог распространиться в Среднюю Азию.

Хотя курильница найдена во дворце тюркского правителя, изображен на ней не тюрк: тюрки имели длинные, до пояса косы, тонкие свисающие усы и безбородые лица [5, с. 228, 233]. Поиск аналогий уводит в Согд, причем Согд самаркандский.

Ряд аналогий мы встречаем в живописи на стенах дворца правителей Самарканда VII в. Явное сходство с персонажем, изображенным на курильнице, имеет голова воина [8, табл. LVII]. Те же густые, сросшиеся на переносице брови, вздымающиеся вразлет к вискам, та же форма глубоко и близко посаженных глаз, носа, маленькой нижней губы, усов, бороды. Перед нами облик согдийца, каким его описывали источники того времени: «жители имеют возвышенный нос, впалые глаза, густые брови» [8, с. 106]. Персонажи росписей Афрасиаба имеют такие же округлые, коротко постриженные бороды и пышные, зачесанные к ушам бакенбарды; носят в ушах крупные серьги, а на шее гривны [8, табл. XXIV]. Форма серьги одного из персонажей точно соответствует форме серьги, изображенной на курильнице: петля, маленький шарик, под ним большой шарик [8, табл. XIV]. Одинакова форма бороды, бакенбардов и уха (большое, с длинной мочкой) у персонажей на курильнице и афрасиабской живописи [8, табл. XIII]. Даже рот седовласого голубоглазого старца афрасиабской росписи

[8, табл. XXIV] изображен полуоткрытым, как у персонажа на курильнице. Видимо, оба страдали заболеванием, затруднявшим дыхание через нос. Кстати, сильно выпученные глаза седовласого, возможно, говорят о том, что у него было еще и заболевание щитовидной железы (зоб).

Высказывалось мнение, что поскольку рот у персонажа на курильнице «открыт» (вернее приоткрыт), то это «демон», ибо демоны изображались с открытым ртом. Если следовать такой логике, то седовласый старец с «открытым» ртом на афрасиабской росписи тоже «демон». Однако картина изображает прибытие чаганианских послов в Самарканд [8, с. 56] и ничего «демонического» в ней нет. Далее, демоны, как правило, изображались с клыками на одной или обеих челюстях и, кстати, не всегда с открытым ртом [9, с. 156, 157], иногда с рогами или человеческими черепами на голове [10, с. 24, 25]. У персонажа на курильнице ни клыков, ни рогов, ни черепов на голове нет. К тому же, насколько нам известно, демоны в коронах не изображались.

Своеобразной формы корону с зубцами в виде дуг, соединенных обращенными вверх концами, имеют персонажи на дурментепинском, иштиханском [11, с. 124, 135] и биянайманском [12, с. 220, 224] керамических оссуариях, найденных к западу от Самарканда и датирующихся VI—VII вв. При общей форме (в виде дуг, объединенных концами) зубцы корон несколько отличаются завершением. У кошой-коргонской короны это крупные шарики; у иштиханской, как бы переходной, — крупные шарики и полумесяцы под ними; у дурментепинской — маленькие шарики и большие полумесяцы; у биянайманской — только полумесяцы. У всех персонажей округлые, коротко подстриженные бороды, густые усы и бакенбарды. У дурментепинского в ушах серьги с крупным шариком.

Ф. Грене [11, с. 32] считает, что мужчина с круглой бородой и «лунной короной» (на всех коронах действительно есть полумесяцы) на этих оссуариях — это Вахман, одно из божественных существ, сопровождавших Ахура Мазду. Он ассоциировался с луной, животным миром и дружбой. Его имя переводится как «Благая мысль». Ю. Я. Якубов [12, с. 169] отождествляет этот персонаж с Сорумем, божеством загробного мира. Сорум — ночной бог, сражающийся с демонами, охраняющий землю и людей ночью. Изображение Сорума на оссуариях оправданно. Но изображение загробного божества на курильнице, украшавшей дворец или храм, едва ли уместно.

В любом случае в зороастрийском пантеоне самаркандского Согда был персонаж с установившейся иконографией, атрибуты которой — «лунная» корона с зубцами в виде соединенных концами дуг, круглая борода, пышные бакенбарды и усы. Он-то и изображен на курильнице.

Несколько слов о назначении сосуда. Мы считаем этот сосуд курильницей. Иначе, на наш взгляд, нечем объяснить функциональное назначение сквозных фигурных отверстий под венчиком. Отсутствие копоты внутри сосуда, возможно, объясняется тем, что его тюркские хозяева использовали курильницу не по назначению, а как предмет парадной декоративной утвари.

Вопрос о датировке курильницы труден, ибо прямых аналогий нет. Прослеженные нами аналогии изображения в декоративных медальонах курильницы с афрасиабской живописью второй половины VII в. и согдийскими оссуариями VI—VII вв. позволяют относить ее к VII в. Однако то, что курильница обнаружена во дворце, функционировавшем в VIII в., заставляет внести коррективы и датировать курильницу концом VII — началом VIII в.

Первоначально автор считал [4, с. 47], что курильница служила украшением храма или дворца в Согде. Когда после арабского завоевания началось насаждение ислама с его иконоборческими тенденциями, гонения на местную религию и жрецов, курильница с другой ценной утварью могла быть вывезена на восток, где такие предметы еще пользовались спросом.

Однако не исключено, что из метрополии в согдийскую колонию Семиречья были вывезены высокохудожественные штампы, хранившиеся в семье гончара, эмигрировавшего на восток. О том, что штампы древней курильницы перешли

к гончару от другого хозяина, говорит, на наш взгляд, неумелое их использование. Ни один из них не подходит к размерам курильницы. Гончару, изготовлявшему курильницу, не были известны пропорции сосуда, для которого штампы выполнены, а рассчитать их он не мог.

Попытка найти аналогии среди сосудов другого назначения, известных для Согда и соседних районов того времени, показывает, что форма тулова курильницы приближается к форме кухонных котлов, но полного сходства нет [14, с. 51, 61].

Находка согдийской курильницы во дворце тюркского хана в горах Тянь-Шаня — яркое свидетельство культурных и экономических связей тюрков и согдийцев на территории Киргизии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. Т. IV. М.: Наука, 1966.
2. Бернштам А. Н. Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. 1952. № 26.
3. Федоров М. Н. Крепостная стена Кошой-Коргона // Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана. Фрунзе: Изд-во КГУ им. 50-летия СССР, 1987.
4. Федоров М. Н. Дворец тюркского правителя VIII в. на городище Кошой-Коргон (Предварительное сообщение) // Изв. АН КиргССР. Обществ. науки. 1989. № 1.
5. История Киргизской ССР // В. Д. Горячева, В. М. Массон, А. П. Окладников и др. Фрунзе: Кыргызстан, 1984.
6. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977.
7. Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. М.: Искусство, 1987.
8. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: ФАН, 1975.
9. Негматов Н. Н. Божественный и демонический пантеоны Уструшаны и их индоиранские параллели // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, 1984.
10. Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973.
11. Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. Гафура Гуляма, 1986.
12. Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. М.: Искусство, 1974.
13. Грене Ф. Интерпретация декора оссуариев из Бия-Наймана и Мианкаля // Городская среда и культура Бактрии — Тохаристана и Согда (IV в до н. э. — VIII в. н. э.): Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25—30 августа 1986 г. Ташкент: ФАН, 1986.
14. Якубов Ю. Я. Изображение богов на биянайманских оссуариях // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1987.
15. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.

Киргизский государственный университет,
Бишкек

FEDOROV M. N.

THE SOGDIAN INCENSE-BURNER OF THE END OF VII — THE BEGINNING OF VIII CEN. A. D. FROM KOSHOI-KORGON SETTLEMENT

Summary

The article puts into circulation the Sogdian ceramic incense-burner of the end of VII — the beginning of VIII cen. A. D. which was found in the palace of Turkic ruler on Koshoi-Korgon settlement. This settlement was for the first time identified by V. V. Bartold with medieval town Atbash which was situated on the Great Silk Road and mentioned in written sources of IX—XVI centuries. Highly artistic picture with "lunar crown" on the medallions of incense-burner has analogies with images on Sogdian ossuaries from Samarkand district of VI—VII cen. A. D. and with famous wallpaining from Palace of Samarkand rulers of VII century. The find of highly artistic Sogdian incense-burner in the Palace of Turkic ruler in the Central Tyan-Shan is striking example of cultural and economic links of Turki and the Sogdian in Kirgizia territory.

ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1995 1

- 25 ms -

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАША XI в. ИЗ КЫРГЫЗСТАНА

В мае 1991 г. на кафедре древней и средневековой истории Киргизского государственного университета студент Б. К. Мамырбаев доставил на предмет определения серебряную чашу, хранившуюся у М. Д. Курманбекова, директора средней школы с. Джонбулак Джетыогоузского района Иссык-Кульской области Республики Кыргызстан.

Точное время и обстоятельства находки неизвестны. Известно лишь, что она была найдена чабаном на летнем пастбище на сырте (высокогорном плато) в бассейне речки Ак-Шыйрак, к югу от оз. Иссык-Куль. Севернее этой местности, на южном берегу Иссык-Куля, находится городище Барскаун (остатки средневекового г. Барсхан, столицы одного из уделов на территории Восточного Караханидского каганата). Видимо, на богатых травами сыртах Ах-Шыйрака, примерно в 100 км к юго-востоку от их столицы, находилась летовка Караханидских владетелей Барсхана.

Находка оказалась уникальной. Расшифровка надписи показала, что чаша несет на себе почетную титулатуру караханидского правителя третьей четверти XI в. 'Имад ад-Даулы Тогрул-карахан, коему она принадлежала или, по крайней мере, была изготовлена. Для Кыргызстана эта находка имеет такое же значение, как если бы на территории бывшей Киевской Руси была найдена серебряная чаша с именем Владимира Мономаха или какого-либо другого князя, современника этого Тогрул-карахана.

Перейдем к описанию чаши (рис. 1—3). По форме она представляет в верхней части цилиндр, который, плавно сужаясь, переходит в сферическое дно. Первоначально чаша имела поддон в виде широкого, сужающегося кверху усеченного конуса («блюдец» — по сообщению информатора) высотой около 3 см. Поддон был отломан находчиком для изготовления украшения для лошади.

Форма чаши изящна, она хорошо ложится в ладони, и так из нее пить гораздо удобнее, чем держа за ручку. Ручка, судя по всему, была приделана позднее. Выполнена она довольно грубо и примитивно и явно к чаше не подходит. Она приклепана к чаше двумя железными штифтами, проходящими через отверстия в стенке чаши. Жидкость, налитая в чашу, через эти отверстия просачивается.

Анализ показал, что тулово чаши сделано из серебра 903,4 пробы, а ручка — 917,8 пробы. То обстоятельство, что тулово чаши и ручка сделаны из металла разной пробы, говорит в пользу того, что чаша и ручка изготовлены в разное время.

Вес чаши 590 г. Емкость 1,8 л. Диаметр по венчику 15,6 см, высота 13,7 см. Снаружи на донце чаши следы припоя (видимо, на оловянной основе). Судя по этим следам, диаметр верхней части донца в месте его соединения с туловом чаши составлял 4,4—4,5 см. Толщина стенок донца, судя по этим следам, могла быть до 0,4 см. Если информация о высоте поддона (около 3 см) правильна, то чаша должна была напоминать по форме бронзовые на коническом поддоне сакские котлы.

Венчик выполнен в виде ободка, идущего снаружи по стенкам чаши. Его высота 0,55 см. Посередине ободка — горизонтальная ложбинка шириной 0,4 см,

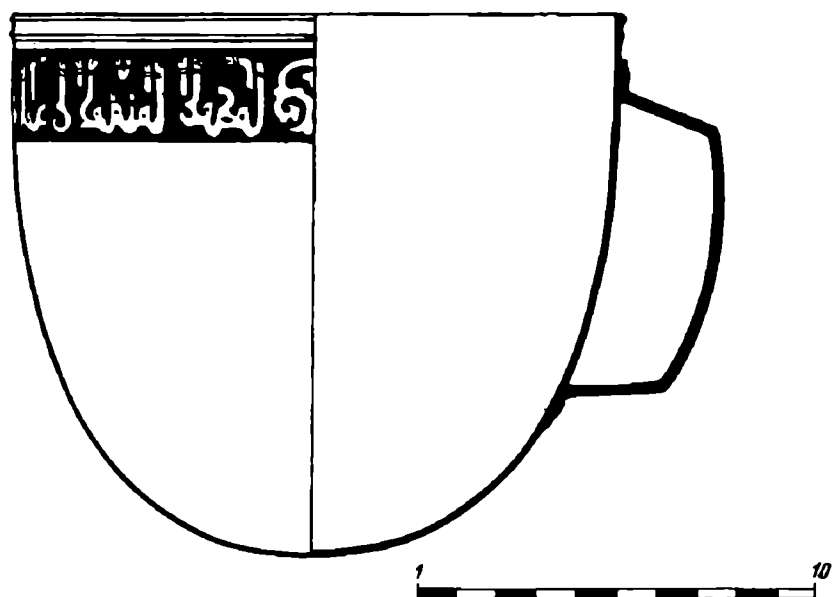

Рис. 1. Караханидская чаша. Разрез. Развертка надписи

углубляющаяся к центру до 0,1 см. Толщина венчика 0,27 см. Под ним, отступя на 0,12 см, идет стенка чаши. Ее толщина 0,15 см. На расстоянии 1,1 см вниз от венчика начинается скоба приклепанной ручки. Это грубо выполненная серебряная пластина шириной 1,6 см. По ее краям на наружной стороне скобы два продольных бортика высотой и шириной до 0,1 см. Толщина ручки с бортиками по краям 0,25 см. Без них — 0,15 см. Длина приклепанных к чаше концов ручки до 1 см. Расстояние между ними 7,5 см. Боковые части скобы отходят от тулова чаши под углом, так что скоба сужается к верхней части. Длина боковых частей скобы 2,6 см. Ее тыльная часть имеет вид дуги (с основанием 6,3 см и наибольшим прогибом от основания в 0,6 см).

Отступя на 0,2 см ниже венчика, по стенкам чаши идет горизонтальная полоса эпиграфического орнамента шириной 2,4 см (гравировка, чернь). Серебряные буквы красиво выделяются на черном фоне с тонкими серебряными растительными побегами. Фон выполнен в технике ниелло, или черни. Это украшение металлического сосуда узорами из сплава серебра, меди, серы и буры. Толченый сплав в виде порошка или кашицы наносился на поверхность или в специальные углубления и подвергался плавлению. Получалось красивое глянцеви́тое покрытие черного или темно-серого цвета, напоминающее эмаль. В зависимости от замысла мастера, получались светлые узоры на черном или черные на светлом фоне.

Местами орнамент поврежден и растительные побеги разглядеть невозможно. На этих участках фон сплошной черный или коричневатый.

Надпись разделена на 4 части. В трех случаях эпиграфический орнамент прерывается изящными арабесками в виде стилизованного растительного побега, заключенного в круг. В двух случаях круг прослеживается, в третьем — из-за

Рис. 2. Чаша. Общий вид с началом надписи

Рис. 3. Чаша. Общий вид с окончанием надписи

поврежденности орнамента не прослеживается. В четвертом случае надпись прерывается полосой гладкого серебра без какого-либо орнамента. Видимо, это место было приготовлено для ручки, которая, как мы предполагаем, должна была по первоначальному замыслу быть припаяна (и иметь более изящный вид). Не исключено, что чаша была не закончена мастером, ее изготавливавшим, по причинам, от него не зависящим, и позднее появилась грубая ручка в виде скобы, изуродовавшая сосуд.

Судя по тому, что местами на поверхности чаши прослеживаются раковины и пузырьки (рис. 3), она могла быть изготовлена в технике литья (но тогда, наверно, она отливалась бы вместе с поддоном).

Орнаментальный фриз является самой важной частью чаши. Он не только

Рис. 4. Начало надписи

Рис. 5. Продолжение надписи

позволяет ее датировать, но и содержит интересную историческую информацию (рис. 4—7).

Датировки, полученные в результате анализа палеографии и содержания надписи, удачно взаимоподтверждают и уточняют одна другую.

Палеографический анализ. Надпись выполнена почерком «цветущая куфа». Помимо начертания букв важным датирующим признаком является введение U-образных украшений и дополнительных стволов над низкими буквами для

Рис. 6. Продолжение надписи

Рис. 7. Окончание надписи

достижения равновесия верхней орнаментальной зоны с густо заполненной письмом нижней частью ленты эпиграфического орнамента. Дополнительные стволы и U-образные украшения симметрично заполняют пробелы между высокими частями букв в верхней зоне орнаментального пояса.

Такие дополнительные стволы и U-образные украшения имеются в надписи на портале караван-сарая Рабат-и Малик на торговом пути из Бухары в Самарканд. Рабат-и Малик был построен караханидским правителем Шамс ал-Мулком между 460—472 гг. хиджры, т. е. между 1068 и 1080 гг. [1, с. 18—19, рис. № 22]. U-образные украшения имеются в надписях мавзолея Шах-Фазил в Ферганской долине (Ошская область Республики Кыргызстан). Согласно новейшим данным

мавзолее Шах-Фазил датируется временем между 447—451 гг. хиджры, т. е. 1055—1060 гг. [2, с. 76, рис. 1, 2]. Симметричные U-образные украшения имеют в верхней зоне надписи мавзолея Мухаммад Ханапья в Мерве, относящиеся к 1112—1113 гг. [1, с. 19, рис. 23].

Датирующим признаком является отсутствие диакритики. По наблюдениям В. Н. Настича диакритические точки в эпиграфических памятниках Узгена появляются, например, не раньше первой половины XII в. [3, с. 154].

По наблюдениям В. П. Даркевича чернь на серебряных сосудах Средней Азии появляется в середине XI в., а фон в промежутках между буквами (оставленные в серебре завитки на черном фоне) характерен для середины XI — начала XII в. [4, с. 115].

Вертикальные концы букв в надписи на чаше слегка расширяются и отсечены от ствола двумя поперечными насечками. Отсеченные концы имеют еще одну продольную насечку посередине расширения. В целом этим создается впечатление головы какого-то сказочного существа на длинной гибкой шее и со слегка приоткрытой пастью. Иногда конец вертикального ствола повернут вправо или влево под углом, близким к 90°. В таком случае эффект головы сказочного существа усиливается.

Таким же образом оформлены окончания вертикальных букв в надписи на серебряном кувшине среднеазиатского или иранского происхождения (XI — начало XII в.), найденного в 1959 г. в Пермской области [4, с. 30, 121, рис. 15, 3 и табл. 32, рис. 1, 3—5]. Здесь также расширяющиеся концы букв отсечены поперечными насечками, только продольных насечек не одна, а две — четыре. Фон также сделан с применением черни (серебряные побеги на черном фоне). Обращает на себя внимание сходство в написании буквы «вāv».

Примерно так же начертана эта буква в надписях мавзолея Шах-Фазил. Хвост буквы там короткий и расположен горизонтально, но из промежутка между ним и петлей поднимается вверх плавно изогнутый как бы второй хвост. На рассматриваемой нами чаше и на кувшине из Пермской области он уже вплотную соединен с петлей, но еще прослеживается и горизонтальное окончание буквы в слове «валӣ».

Имеется сходство в форме буквы «йā» на чаше и в мавзолее Шах-Фазил. Только в надписи из Шах-Фазила поднимающееся вверх окончание буквы имеет посередине узорное переплетение [2, с. 69, рис. 1].

На чаше среднеазиатского или иранского происхождения (XI в.) из Аниковского клада [4, с. 30, табл. 33, рис. 5] конечная буква «ра» в слове «сурӯр» изображена в виде запятой с отходящим от ее вершины вертикальным декоративным стволом. Так же и на рассматриваемой нами чаше. Совпадает начертание буквы «гайн» на аниковской и на рассматриваемой нами чаше.

Таким образом, общий стиль почерка, сходство в написании отдельных букв, наличие орнаментальных элементов в виде U-образных украшений и дополнительных вертикальных стволов, оформление вертикальных окончаний букв, наличие черни и характер фона — все это позволяет датировать чашу второй половиной XI в.

Анализ содержания надписи. Надпись содержит титулатуру караханидского правителя, для которого она была изготовлена: «Ал-хакан ал-Аджалл ас — Саййид ал-Малик а//л-Музаффар ал-Мансур'Имад-ад-Дау//ла ва Садад (а)л-Милла Тогрул-кар//ахакан Вали Амир ал-Муминин», что означает: «Хакан славнейший, господин, царь победоносный, побеждающий, Опора государства и Правый путь религиозный общины Тогрул-карахакан, приближенный Повелителя правоверных» (т. е. халифа).

Здесь датирующим признаком является ханский титул «Тогрул-карахакан». По нумизматическим и письменным источникам нам известно несколько караханидов, носителей титула «Тогрул-карахакан» (или «карахан», или «хакан», или «хан»). Два из них для XI в. «Тогрулы» XII в. отпадают, так как ни один из них не имел, насколько нам известно, лакаба (почетного прозвища) «'Имад

ад-Даула» [5, с. 119—122]. К тому же данные палеографического анализа не позволяют относить надпись на чаше ко времени более позднему, чем вторая половина XI — начало XII в. Что касается «Тогрулов» XI в., то один из них определенно имел лакаб «'Имад ад-Даула», помещая его на своих монетах [6, с. 60—61]. Так, на дирхеме Тараза 46... г. х. (между декабрем 1067 и июнем 1077 г.) в третьей строке легенды поля реверса помещен титул «Тогрул-карахакан», а лакаб расположен двумя частями: «'Имад» над и «ад-Даула» — под легендой поля. На дирхеме Маргинана 461/1068—69 гг. титул «Тогрул-карахакан» помещен в легенде поля реверса, а лакаб «'Имад ад-Даула» — над и под легендой поля аверса.

Такое расположение титула и лакаба оставляет место для сомнения: лакаб мог принадлежать вассалу Тогрул-карахакана. Однако все сомнения снимает дирхем Шаша 462/1069—700 гг. На нем лакаб «'Имад ад-Даула» помещен в легенде поля реверса сразу после почетного упоминания халифа (т. е. там, где помещают лакаб, титул или имя сюзерена) и перед титулом «Тогрул-карахакан». И наконец, еще одним подтверждением является сама чаша.

Итак, мы установили, что лицом, для которого была изготовлена чаша, является один из правителей Восточного Караханидского каганата 'Имад ад-Даула Тогрул-карахакан, чеканивший монеты в 60-х и 70-х годах XI в.

Кем же был и когда правил караханидский правитель, для которого была изготовлена серебряная чаша, найденная на летних пастбищах Ак-Шыйрака к югу от средневекового г. Барсхан на берегу Иссык-Куля? К сожалению, нам неизвестны бесспорные даты начала и конца его правления, а также его имя. Одним из важных источников по интересующему нас вопросу является сообщение арабского историка XIII в. Ибн ал-Асира: «... и правил после него (Богра-хана сына Йусуфа Кадир-Хана.— М. Ф., А. М.) Тогрул-хан, сын Йусуфа Кадир-хана. Он владел царской властью и царствовал в Баласагуне. Его царствование длилось 16 лет. Затем он умер, и воцарился его сын — Тогрул-тегин, и пребывал 2 месяца. Потом пришел Харун Богра-хан, брат Йусуфа Тогрул-хана, сына Тафгаджа Богра-хана. Перешел в Кашгар и схватил Харуна. Войско его повиновалось ему, и он завладел Кашгаром, Хотаном и тем, что примыкает к нему до Баласагуна, и он оставался царем 29 лет. Он умер в 496 (1102—1103) г.» [7, с. 60].

В. В. Бартольд несколько иначе перевел конец этого отрывка: «...Харун Богран-хан зашел за (абара) Кашгар, взял в плен Харуна (ошибка, вместо Тогрул-тегина); войско этого последнего подчинилось ему, и он захватил Кашкар, Хотан и соседние области до Баласагуна» [8, с. 419]. В. В. Бартольд отметил ряд неточностей, имеющих место в этом сообщении Ибн ал-Асира. По Ибн ал-Асиру, Богра-хан (т. е. Мухаммад б. Йусуф — М. Ф., А. М.) погиб в 439 г. х., тогда как историк Байхаки, современник Богра-хана, дает дату 449 г. х. Ибн ал-Асир называет Богра-хана, взявшего в плен Тогрул-тегина, Харуном и братом Тогрул-хана, т. е. (учитывая сообщение Ибн ал-Асира, что Тогрул-хан сын Кадир-хана Йусуфа) сыном Кадир-хана. В действительности этого Богра-хана звали Хасаном и он был сыном Сулаймана Арслан-хана, т. е. внуком Кадир-хана. Так этот Богра-хан назван в одном из вариантов «Кутадгу билик», посвященной ему в 462 г. хиджры Юсуфом Баласагунским, и в юридическом документе конца XI в. из Яркенда [8, с. 420—421].

Если Ибн ал-Асир допустил неточности в весьма сложном и запутанном вопросе титулатуры и генеалогии Караханидов, то приведенные им сроки правления 16 и 29 лет должны заслуживать внимания. Итак, Табгач Богра-хан Хасан, сын Арслан-хана Сулаймана и внук Кадир-хана Йусуфа, умер в 496/1102—1103 г. Если мы вычтем из 496 г. х. 29 лет, получим 467 г. х. Если понимать слова Ибн ал-Асира «оставался царем 29 лет» как общий срок правления Хасана, получится, что он начал править в 467 г. х. Но уже в 462/1069—1070 г. этот Хасан с ханским титулом «Табгач Богра-хан» был владельцем «Ордукента» (т. е. «Стольного города», по мнению В. В. Бартольда — Кашгара), где ему была преподнесена поэма Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билик». Следовательно,

сообщение «и оставался царем 29 лет» надо понимать как срок правления Хасана после его похода против Омара Тогрул-тегина, сына Тогрула-хана. В таком случае дата похода минус 2 мес. правления Омара дает дату смерти Тогрул-карахакана: 467 г. х.

По Ибн ал-Асиру Тогрул-хан (карахакан и т. д.: часто один и тот же правитель на разных монетах имел титулатуру с вариантами «хан», «карахакан», «карахан») правил 16 лет. 467 г. х. минус 16 дает 451 г. х., т. е. дату начала правления Тогрул-карахакана. Промежуток между 449 г. х. (год смерти Богра-хана Мухаммада) и 451 г. х. В. В. Бартольд, а вслед за ним О. Прицак и М. Н. Федоров [8, с. 420; 9, с. 44; 10, с. 41; 11, с. 118, 125], считавшие Тогрул-хана сыном Кадир-хана Йусуфа, заполнили правлением Ибрахима, младшего сына Богра-хана Мухаммада. Ибрахим был приведен к власти своей матерью, совершившей дворцовый переворот и отравившей Богра-хана Мухаммада. Этот Ибрахим вскоре погиб на войне с другим караханидом, правителем Барсхана Йинал-тегином [9, с. 44].

Однако в 1988 г. Б. Д. Кочнев [6, с. 64, 65] заново перекроил всю историю Восточных Караханидов этого времени. По Б. Д. Кочневу, Тогрул-хан (карахакан) был не сыном, а внуком Кадир-хана и братом Хасана, сына Арслан-хана Сулаймана. Он начал править не в 451, а «не ранее 545 г. х.». Умер «не ранее 473, но не позднее 481 г. х.» (а как же быть с сообщением Ибн ал-Асира, что Тогрул-хан правил 16 лет?). Сын Тогрул-хана Омар Тогрул-тегин, после смерти отца принявший титул карахакан, правил «2 месяца между 473 и 481 г. х.» (!). Богра-хан Хасан, оказывается, правил «после 473 г. х.» (а как же 29 лет, упомянутые Ибн ал-Асиром, и приведенная им дата смерти этого Богра-хана — 496 г. х.?).

Все эти удивительные сведения приведены в генеалогической таблице [6, с. 65] цитируемого сочинения Б. Д. Кочнева. Посмотрим, как он обосновывает свои выводы. Б. Д. Кочнев публикует [6, с. 61] дирхем «Тараза(?)» 454/1062 г., на котором читает титул и имя правителя как «Арслан(?) — хан Ибрахим», и относит его к чекану Ибрахима, сына Богра-хана Мухаммада. Следовательно, считает он, Ибрахим погиб не в 451, а после 454 г. х. Но что это меняет? Караханидский каганат всегда был конгломератом удельных владений во главе с различными представителями Караханидской династии в зависимости (временами реальной, временами номинальной) от верховного правителя каганата. То обстоятельство, что в 454 г. х. Ибрахим владел «Таразом (?)», отнюдь не исключает того, что Тогрул-хан начиная с 451 г. х. был правителем какого-то другого владения. Причем оба могли претендовать на пост верховного правителя Каганата и оспаривать его один у другого. Кстати гибель Ибрахима на войне с каким-то караханидом может говорить в пользу этого.

Вообще аргументы Б. Д. Кочнева рассчитаны главным образом на неспециалиста или того, кто не пожелает сам досконально во всем разобраться. Посмотрим, например, как обосновывает Б. Д. Кочнев предложенную им датировку конца правления Тогрул-хана «не ранее 473 и не позже 481 г. х.». «Вычисленный В. В. Бартольдом на основании Ибн-ал-Асира конец его (т. е. Тогрул-хана — М. Ф.) правления (467/1074—1075 г.) тоже оказывается неверным, поскольку, как показывает дирхем Тараза типа 13, Тогрул-хан был жив еще в 472/1079—1080 г.» [6, с. 64]. Вопреки утверждению Б. Д. Кочнева, дирхем Тараза 472 г. х. отнюдь не «показывает», что он выбит Тогрул-ханом отцом. Как это знает и сам Б. Д. Кочнев, Тогрул-тегин после смерти отца сменил княжеский титул «тегин» на ханский «карахакан», т. е. стал Тогрул-карахаканом. Так что дирхем Тараза 472 г. х. вполне мог быть выбит Тогрул-карахаканом Омаром. Не исключено, что, будучи захвачен в 467 г. х. в плен Табгач Богра-ханом Хасаном, Омар был затем отпущен на волю и сохранил свой удел при условии признания Табгач Богра-хана Хасана верховным правителем (отсюда, видимо, идет отсчет 29 лет, упомянутых Ибн ал-Асиром). Причем, как верховный правитель, так и правители наиболее крупных уделов могли иметь ханский титул. Например, в 424—448 гг. х. верховным правителем был Арслан-хан Сулайман, но его брат и дядя имели ханские титулы:

Богра-хан и Тонга (Тура)-хан [11, с. 115—117]. То обстоятельство, что сын и наследник Омара Джебраил упоминается в письменных источниках как владетель Таласа, т. е. Тараза [9, с. 45], говорит, на наш взгляд, о том, что Омар владел после 467 г. х. Таразом и передал его Джебраилу. Если бы на монете Тараза 472 г. х. титул «Тогрул-карахакан» был неоспоримо связан с лакабом «'Имад ад-Даула», принадлежавшим Тогрул-карахакану отцу, только тогда упомянутая Б. Д. Кочневым монета «показывала» бы, что она именно им чеканена. Наличие же на монете лакаба «Зайн ад-Дин», который Б. Д. Кочнев относит к Омару [6, с. 63], как и имени последнего может говорить о том, что она им чеканена после смерти отца и принятия им ханского титула.

Еще один аргумент Б. Д. Кочнева — в одном письменном источнике «под 473 г. х... Умар назван Тогрыл-Тегин». Но этот аргумент вообще ничего не доказывает. Так, газневидский историк Бейхаки [12, с. 295, 300, 306, 307, 310—320 «Летопись года 423»; 337 «Летопись года 424»; 384 «Летопись года 425» и 393, 395, 411, 416 «Летопись года 426»] современного ему караханидского правителя Бухары и Самарканда Али ибн ал-Хасана иначе как «Али-тегин» не называет, в то время как на своих монетах (по крайней мере с 423 г. х.) этот караханид пышно величал себя «Табгач-Богра-карахаканом» [13, с. 171, 172]. Здесь, видимо, сказывалось тенденциозное отношение газневидского историка к Али-тегину, бывшему врагом Газневидов.

Следующий аргумент — «Не позже 481 г. х.». В 481/1088—1089 г. был чеканен дирхем, на котором Табгач-хакан Хасан выступает как сюзерен Мухаммада (?) Богра-илека. Название монетного двора на дирхеме не сохранилось, но «полная (? — М. Ф.) идентичность оформления и совпадение большинства (но не всех. — М. Ф.) надписей» с монетой Тараза 48... г. х., по мнению Б. Д. Кочнева, «...не оставляют сомнения в том, что они произведены на одном монетном дворе» [6, с. 62, прим. 26]. На наш взгляд, оставляют, и немалое. Как видим, уже здесь у Б. Д. Кочнева натяжка. Итак, опираясь на монету так называемого «Тараза» 481 г. х., Б. Д. Кочнев и устанавливает, что правление Тогрул-хана отца продолжалось «не позже 481 г. х.». Однако с равным основанием можно предположить, что «не позже» 481 г. х. продолжалось правление Тогрул-хана Омара, а в 481 г. х. ему наследовал Богра-илек, признавший Табгач-хана Хасана сюзереном.

Как видно из нашего анализа аргументов Б. Д. Кочнева, мы вправе усомниться в справедливости его выводов. Вопреки утверждениям Б. Д. Кочнева, он не смог обосновать неоспоримыми аргументами предложенную им трактовку истории Восточных Караханидов указанного времени. При настоящем состоянии нумизматических и письменных источников в силе остается трактовка истории Восточных Караханидов второй половины XI в., предложенная В. В. Бартольд, поддержанная О. Прицаком и М. Н. Федоровым. Исходя из этого, мы датируем правление 'Имад ад-Даулы Тогрул-карахакана 451—467/1059—1075 гг. Таким образом, великолепная серебряная чаша, послужившая предметом нашего исследования, была изготовлена для Караханида Тогрул-карахакана между 1059—1075 гг.

Чаша, даже если не учитывать стоимость ее изготовления, представляла по тем временам большую ценность. По весу она соответствовала 200 высокопробным дирхемам, что в зависимости от колебания курса составило бы 13—14 динаров или стоимость 13—28 овец, так как в VIII—XIII вв. стоимость овцы колебалась от 0,5 до 1 динара [14, с. 199].

Серебряная чаша 'Имад ад-Даулы Тогрул-карахакана является великолепным и пока единственным образцом караханидской именной торевтики третьей четверти XI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии//ЭВ. 1949. Вып. III.
2. Настич В. Н., Кочнев Б. Д. К атрибуции мавзоля Шах-Фазил//ЭВ. 1988. Вып. XXIV.

3. *Настич В. Н.* Эпиграфические памятники Узгена XII—XX вв.//Киргизия при Караханидах. Фрунзе: Илим, 1983.
4. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976.
5. *Федоров М. Н.* Политическая история Караханидов в XII — начале XIII в. (Караханидские монеты как исторический источник)//НЭ. 1984. Т. XIV.
6. *Кочнев Б. Д.* Тогрыл-хан и Тогрыл-тегин (Нумизматические данные к истории Восточных Караханидов во второй половине XI в.)//ЭВ. 1988. Вып. XXIV.
7. Ибн ал-Асир. *Китаб ал-камил фи-т-тарих*/Пер. К. Б. Старковой//Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука, 1973.
8. *Бартольд В. В.* Богра-хан, упомянутый в «Кутадгу билик»//Соч. Т. 5. М.: Наука, 1968.
9. *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья//Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963.
10. *Pritsak O.* Die Karachaniden//Der Islam. 1953. Bd XXXI. 1.
11. *Федоров М. Н.* Очерк истории Восточных Караханидов конца X — начала XIII в. по нумизматическим данным//Киргизия при Караханидах. Фрунзе: Илим, 1983.
12. Абу-л-Фазл Бейхаки. *История Мас'уда. 1030—1041*/Пер., вступ. статья и примеч. А. К. Арендса. Ташкент: Фан, 1962.
13. *Федоров М. Н.* Политическая история Караханидов в конце первой и второй четверти XI в//НЭ. 1974. Т. XI.
14. *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока VIII — сер. XIII в. М.: Наука, 1984.

Кыргызский государственный национальный
университет, Бишкек
Кыргызский государственный институт
гуманитарных наук, Бишкек

FEDOROV M. N., MOKEEV A. M.

11th CENTURY SILVER CUP FROM KIRGHIZIA

S u m m a r y

The article deals with an investigation, dating and attribution of a magnificent silver cup. It was found on the summer pastures in the Ak-Shyirak river basin approximately 100 km to the south-west from a medieval town of Barskhan situated on the southern coast of the Issyk-kul lake. Inscription analysis shew that the cup was made for Karakhanid ruler 'Imar ad-Daula Torgul-kara-khakan lived in the 3rd quarter of the 11th century AD.